

Въезд голландского посла Конрада ван Кленка в Вологду. Голландская гравюра. 1675 год.

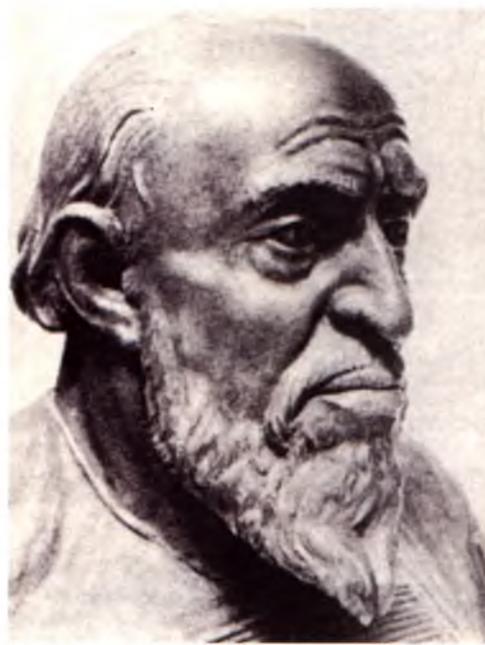
Заканчивает процессию «его превосходительство Конрад ван Кленк» (1), сопровождаемый пажми (6); впереди него в санях следуют пристав (2) и знатные русские господа (3, 5) в окружении слуг; немецкий купец (?) Ван Кетель (4). Некоторые детали изображения — домысел художника. Например, вид крепости не соответствует имеющимся описаниям

6. Вологодский кремль Ивана Грозного (вторая половина XVI века)

Наверное, каждый вологжанин слышал об особом отношении царя Ивана Грозного к Вологде. Некоторые любители истории предыдущих веков даже полагали, что Иван Васильевич хотел перенести в Вологду столицу если не всей России, то своих опричных владений. Опорой для подобных мнений послужило развернутое во времена правления Ивана Грозного грандиозное строительство — возведение в Вологде каменных кремля и собора, деревянного царского дворца.

В 1565 году Иван Грозный, стремясь упрочить свое единоличное правление государством, выделил из числа русских земель несколько самых богатых в свое особое управление — «опричнину». Вологда была в их числе, и Иван IV не раз бывал в ней. Царь решил укрепить свою вологодскую резиденцию, занимавшую ключевое положение на пути в Европу и являющуюся центром богатых северных «опричных» земель. Россия в 1560-е годы оказалась в очень тяжелой внешнеполитической обстановке: в затяжной Ливонской войне на западных рубежах к давнему противнику — Литве — присоединилась столь же могущественная Польша; на юге началась тяжелая война с Турцией и союзным ей Крымским ханством, к которым неожиданно присоединилась Ногайская орда. Неурожай 1569 года принес в Россию голод...

В обстановке внутренней нестабильности Иван IV постоянно опасается за свою жизнь; его опасения усиливаются после известия о свержении и заточении в 1568 году шведского короля Эрика IV его мятежными братьями. Террор, развернутый опричниками внутри страны в 1569—1572 годах, был, скорее, выражением страха царя, чем свидетельством крепости его положения на троне.

Царь Иван IV (Грозный). Скульптурная реконструкция по подлинному черепу, произведенная антропологом М. М. Герасимовым

О вологодских событиях времени Ивана Грозного повествуется в первых строках рукописи XIX века под названием «Сверлюк Стерлюк Харахорович: Древнее русское стихотворение [7]184-го (1676. — А. С.) года». Эта рукопись, давно привлекающая внимание краеведов, хранится в Вологодском музее-заповеднике (ВОКМ 27415).

*Что на славной реке Вологде
Во Насоне было городе,
Где доселе было грозной царь
Основать хотел престольной град.
Для своего ли для величества
И для царского могущества
Укрепил стеной град каменной
Со высокими со башнями,
С неприступными бойницами.
Посреди он града церковь оклал,
Церковь лепую соборную,
Что во имя Божией Матери
Ея честнаго Успения.
Образец он взял с московского
Что с собору со Успенскаго.
Стены храма поднималися,
Христиана утешалися.
Уж как стали после свод сводить,
Туда царь сам не коснел ходить.
Надзирал он над наемники,
Чтобы Божий крепче клали храм,
Не жалели б плинфы красныя
И той извести горючия.
Когда царь о том кручинился,
В храме новым похаживал,
Как из своду туповатава
Упадала плинфа красная,
Попадала ему в голову,
Во головушку во буйную,
В мудру голову во царскую.
Как наш грозной царь прогневался,
Взволновалась во всех жилах кровь,
Закипела молодецка грудь,
Ретиво сердце взъярилося.
Выходил из храма новаго,
Он садился на добра коня,
Уезжал он в каменну Москву,
Насон город проклинаячи
И с рекою славной Вологдой.
От тово проклятья царскова
Мать-сыра земля тряхнулася,
И в Насон-граде гористоем
Стали блаты быть топучия,
Река быстра славна Вологда
Стала быть водой стоячею
И покрылася вся зеленью,
Скверной зеленью со плеснестью.
После в граде том несчастном,
Через многи годы долга
Случилось жить добру молодцу...*

В «Летописце», составленном в 1716 году вологжанином Иваном Слободским, записано: «Лета 7077 (1569. — А. С.) великий государь царь Иван Васильевич повеле копати Шограши и Содемку реку».

Иван опасается жить даже в такой мощной крепости, как Московский Кремль. В 1567 году в Москве сооружается новая резиденция царя — окруженный каменной стеной замок за рекой Неглинной. В конце 1560-х годов Грозный укрепляет дальнейшее дворцовое село Александрову слободу и строит там к 1570 году большой храм. После раздора с митрополитом, публично осудившим неправые дела царя, Иван выезжает из Москвы. К общему недоумению Слобода становится постоянным местопребыванием государя. Затворнический уклад жизни опричного двора в Александровой слободе подчеркивался и обыгрывался: царь и опричники время от времени наряжались в монашеские рясы и пародировали монастырскую братию. Русские послы были вынуждены объяснять в Литве, что царь по-прежнему руководит страной, а «выезжает в свое ближнее село в Слободу для своих прохладов, потому что в осеннюю пору на Москве государю непрохладно жити...». Но и подмосковная Слобода, окруженная заставами опричников, не кажется надежным убежищем от ожидаемого царем бунта всесильного боярства.

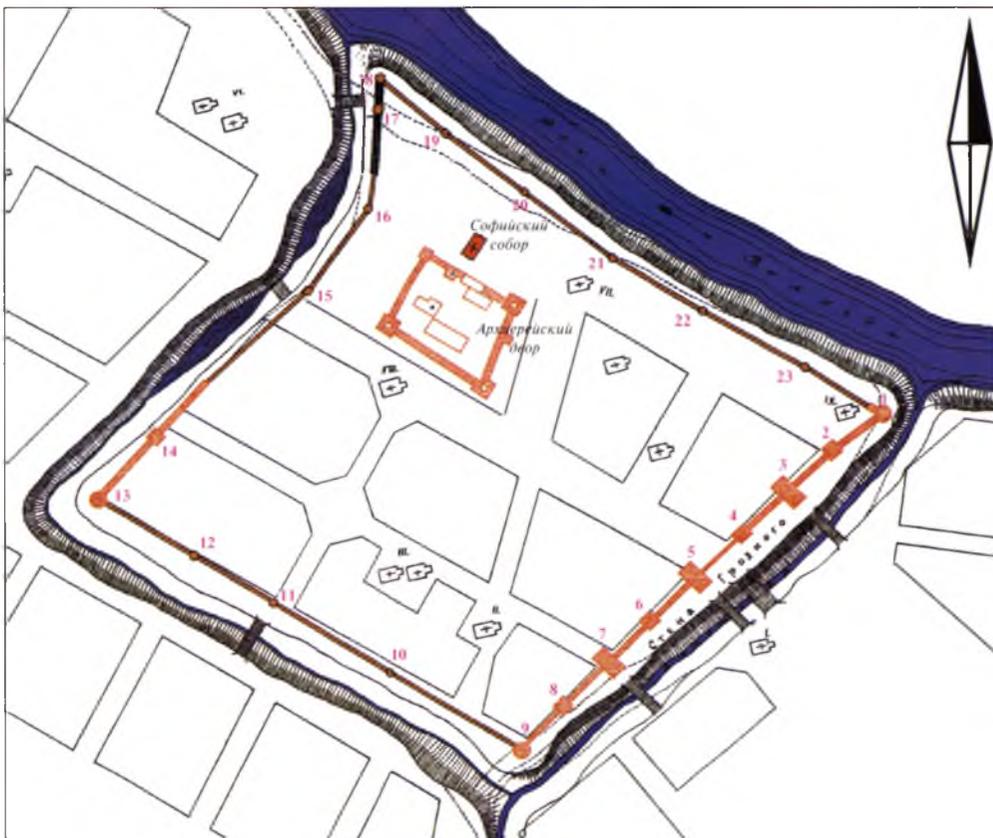
Установление дипломатических отношений с могущественной Англией в 1565 году становится той соломинкой, за которую готов схватиться царь. Уже в 1567 году во время тайных ночных переговоров с послом Дженкинсоном Иван Грозный настойчиво предлагает заключить английской королеве договор о взаимной помощи. Англичане всемерно стараются уклониться от союзного договора, и лишь спустя год их посол Рандольф уверил царя, что «если бы в управление его произошло какое-нибудь несчастье ... он будет дружески принят в наших владениях и найдет у нас надежную дружбу». Взамен английская Московская компания получает новые привилегии... Вологда, окруженная лесами и достаточно удаленная от центра Руси, но стоящая у начала надежного Двинского пути в Европу, становится новым предметом внимания царя. К руководству сооружением вологодской крепости привлекается английский инженер Хэмфри Локк, приглашенный Грозным в 1568 году.

В ходе беспрецедентных (и не только для Вологды) строительных работ топография города была значительно преобразована. Изменения в ходе грандиозного строительства претерпела не только планировка города, но даже элементы ландшафта. Самый яркий пример — сооружение трех грандиозных рвов грозненского кремля, в том числе сохранившейся до наших дней долины реки Золотухи. Полагают, что в 1560-х годах для пополнения водой Содемы (названной в нижнем течении Золотухой) был прорыт канал Копанка, подводивший воду из другого притока Вологды — Шограша. Канал, тянувшийся параллельно современной улице Чехова по трассе улицы Копанка, ныне засыпан. Другие историки считают, что при создании Золотухи направление нижнего участка течения Содемы (примерно от перекрестка современных улиц Предтеченской и Чехова) было изменено: возможно, ранее она впадала в Вологду в 1,3 км ниже по течению (в районе выхода к реке современной улицы Первомайской) или даже несла свои воды не в Вологду, а в ее приток реку Шограш (то есть Содема, в отличие от рукотворной Золотухи, не пересекала по линии юг—север вытянутую вдоль реки Вологды возвышенность, а огибала ее с юго-востока). Так или иначе, но долина Золотухи была расширена, углублена и превращена в наполненный водой оборонительный ров.

Иван Грозный впервые побывал в Вологде в 1565 году, во время поездки на богомолье в знаменитые вологодские монастыри. Осенью 1566 года, царь, как сообщает Продолжение Никоновской летописи, своим повелением «заложил город Вологду камен и повеле рвы копати и подошву бити и на городское здание к весне повеле готовить всякие запасы». Весной 1567 года (видимо, в присутствии самого государя) начинается строительство стен грандиозной крепости. Вот как описывает эти события составленный в 1716 году вологжанином Иваном Слободским «Летописец»: царским «повелением заложен град месяца апреля в 28 (день. — А. С.), на память святых апостол Ассона и Сосипатра. Нещии же глаголют, якобы и наречен бысть град во имя апостола Ассон, но истина ль, тако аз написати за неизвестие под опасением». Как видим, полтора века

Башни Вологодской крепости:

- 1) Вознесенская,
- 2) Глухая,
- 3) Спасская проездная (с Никольскими воротами),
- 4) Глухая,
- 5) Пятницкая проездная (с Пятницкими воротами),
- 6) Глухая,
- 7) Благовещенская проездная (с Благовещенскими воротами),
- 8) Глухая,
- 9) Обуховская,
- 10) Глухая,
- 11) Борисоглебская проездная (с Борисоглебскими воротами),
- 12) Власьевская,
- 13) Пречистенская (Пороховая),
- 14) Глухая,
- 15) Прилуцкая,
- 16) «Башня против Ильинского монастыря»,
- 17) Ильинская (с Ильинскими воротами),
- 18) Наугольная Ильинская,
- 19) Преображенская,
- 20) «Софейская» (с «Софейскими» воротами),
- 21) Рождественская,
- 22) Соловецкая,
- 23) Вознесенская (с Вознесенскими воротами)

97

спустя, еще при существовании самих стен грозненской крепости, именование ее в честь апостола Иасона (простонародные варианты произношения — Ассон, Насон) было отмечено летописцем с «опасением», на основании устного предания. Кстати, в записях грозненского времени никакого особого названия новой крепости, кроме обычного «град Вологда», не встречается. Привозятся по реке материалы для стройки — дубовые бревна, белый и булыжный камень, кирпич, известь. Из белого камня и кирпича строятся крепостные стены и новый собор, из дерева — дворец царя и прочие сооружения.

Схематический план Вологодской крепости в XVII веке (по реконструкции Н. В. Фалина). Красной штриховкой показаны каменные стены и башни, коричневым цветом — деревянные. Показаны кварталы застройки XX века

Свидетельством размаха земляных работ грозненского времени является состоящий из желто-коричневого суглинка отвал, отложившийся по обе стороны Золотухи. По четной стороне современной улицы Марии Ульяновой на расстоянии 40–60 метров от обрывистого края долины Золотухи толщина этого отвала превышает 2 метра. Здесь, во дворе дома № 6, в раскопе археолога И. П. Кукушкина под отвалом обнаружены остатки частокола, разграничивавшего участки посада XV–XVI веков, и... каменные орудия возрастом в несколько тысяч лет. Нужно отметить, что первобытный человек почти всегда селился на берегах водоемов. Это позволяет задуматься: возможно, Золотуха — не полностью «новая» река, а лишь преобразованное русло Содемы?

Любопытны записанные в XIX веке предания, объясняющие происхождение названий двух местностей в Вологде. Согласно первому из них, церковь Николая на Глинках, стоящая возле берега Золотухи на углу современных улиц Мира и Предтеченской, названа по глинистому валу, образовавшемуся при рытье Золотухи. Второе предание гласит, что располагающаяся у Золотухи местность под названием «Татарские горы» называется так потому, что якобы именно здесь хоронили погибших строителей оборонительных сооружений — пленных татар.

98

Остатки частокола XVI века в раскопе И. П. Кукушкина, обнаруженные в 1992 году

99

Церковь Николая на Глинках. Фотография начала XX века

Отрывок из «Летописца», составленного в 1716 году Иваном Слободским:

«Лета 7076 (1568). Великий государь царь Иван Васильевич повеле соборную церковь во имя Успения пречистия Богородицы поставить внутри города у архиерейского дому, и делали ю два года, а колико зделают, то каждого дня покрывали лубьем и другими орудии, и того ради она церковь крепка на разелины. Неции же глаголют: егда совершена бысть она церковь и великий государь вшед видети пространство ея, и будто нечто отторгнуся от свода и пад, повреди государя во главу. И того ради великий государь опечалихся и повеле церковь разобрать. Но чрез же некоторое прошение преклонися на милость, обаче многия годы церковь была не освящена».

Из сообщения 1569 года Забелинской летописи второй половины XVI века:

Царь приказал «делати на Вологде град каменной» и, приезжая в Вологду в великий праздничный день, в Пасху, объявляет, что «кто в сей день и час в церкви Божии у обедни или в улицах, или в торгу, или кто где был несть, князь или боярин, или воевода, и всяк человек и возраст, и жены боярские, княжия или гостинья, от малых и великих вси народы, от церкви бы в дом свои не ходя и платье бы с себя не сложа, в коем кто стоит, чтобы носили сваи дубовые в ров, что готовлены под городову стену».

Казакова Н. А. Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 10. С. 205.

Царь намерен был сделать Вологду одной из сильнейших крепостей страны. Ее огромные башни и стены возводились из кирпича (даже через полвека во всех городах Московского государства насчитывалось только полтора десятка каменных крепостей). Четыре-пять строительных сезонов возводятся стены каменного кремля — юго-восточная стена с девятью башнями и часть северо-западной стены с двумя башнями. На Пушечном дворе в Москве отливают до трехсот пушек, которые привозят в Вологду и (по свидетельству современника-англичанина) сваливают в кучу. Два года (1568–1569) внутри крепости строят и первый в истории Вологды каменный собор. Правительство поставило в Вологде сильный гарнизон — до 500 опричных стрельцов. Достоверных сведений о деятельности Грозного в Вологде немного: известно, что царь бывал в городе в 1565, 1566, 1567, 1569–1571 годах. В эти годы Иван IV дает крупные суммы денег на строительство в Кирилло-Белозерском монастыре роскошных келий для себя и двух своих сыновей, рассчитывая, что в случае крайней опасности уход в монашество обеспечит ему покровительство этого монастыря-крепости (кстати, заботясь о спасении души, в последние минуты жизни царь действительно принял постриг и стал монахом Кириллова монастыря). В июне 1569 года в Вологде успешно завершились переговоры царя с английским послом Рандольфом. Иван Грозный распорядился о строительстве в Вологде с помощью английских мастеров верфей и закладке флота речных судов. Суда украшались золоченой резьбой, но были плоскодонными, и годились лишь для плавания по рекам. Английский посол Д. Горсей писал, что царь перевез в Вологду казну и построил около двадцати судов, чтобы в случае необходимости вывезти сокровища и семью на Соловки, а оттуда на английских кораблях — в Англию. Вологодский летописец также передавал, что царь «помышляше в Поморския страны, и того ради строены лодыи и другия суды многия к путному шествию». Отметим, что вологодский флот и сама крепость не могли иметь военного значения, поскольку были удалены от театров войн с Литвой и Турцией, а угроза России с севера отсутствовала.

Видимо, именно благодаря неожиданным и наглядным переменам в судьбе и облике города, в народных преданиях Иван Грозный предстает всемогущим героем, приказу которого подчиняются массы людей, взявшихся за строительство невиданно грандиозных сооружений. Кажется, сама природа подчиняется прихоти царя: проклятый им берег заболачивается, а река покрывается плесенью. С деяниями Ивана Грозного народ связывал и происхождение нескольких топонимов в Вологде и ее ближайших окрестностях. Например, село Говорово (ныне уже вошедшее в городскую черту) якобы получило свое название оттого, что в пути царь долго был молчалив

Царь и великий князь Иван Васильевич. Немецкая гравюра XVI века

Великий князь приказывает «воеводам градским устроить во граде пушки и пищали». Миниатюра летописи XVI века

100

В 2001 году при проведении археологических исследований внутри вологодского Софийского собора у его юго-восточного столпа выявлен массивный фундамент, сложенный из белокаменных блоков. В этой части православных соборов у столпа по традиции располагается архиерейское (или «царское») место в виде небольшой сени-шатра, предназначенное для присутствующего на службе архиерея или царствующей особы. Вологодский археолог И. В. Папин отмечает, что этот фундамент был заложен несколько позднее самого собора

101

102

и заговорил лишь проезжая эти места. Названия возвышенностей «Камень» и «Известная гора» в Вологде народ также связывал с грозненским временем: на этих местах будто бы складировались заготовленные для возводимого кремля белый камень и известь. Нельзя, однако, забывать, что часть этих названий была известна и во времена, предшествовавшие грозненской эпохе.

Размах стройки действительно был огромен, велики были и возложенные на народ тяготы. «Летописец» Слободского сообщает, что «тогда были вологжанам великия налоги от строения града и судов». Любопытно заметить, что если приписываемое народом воле других правителей (белозерского князя Глеба Васильковича или Петра I) спрямление течения рек или основание монастырей происходило как бы само собой, то в преданиях о реальном вологодском строительстве Грозного всегда подчеркивается элемент насилия и своеволие царя. В роли строителей выступают то по-невольно согнанные горожане, то пленные татары или поляки, чуть ли не все при этом гибнущие или казненные.

Права пословица: «Дыма без огня не бывает»... Грозен был царь. Казнил многих, опасаясь за свою жизнь и просто гневаясь, а затем, мучимый угрызениями совести, рассылал в крупнейшие монастыри Руси списки казненных за годы его правления и просил молить Бога об упокоении их душ.

В Вологодском музее-заповеднике хранится синодик Спасо-Прилуцкого монастыря — книга для записи имен всех тех, за упокоевание души которых молились во время службы. В него переписан и присланный Иваном IV в Прилуки список, занявший двадцать страниц, на которых разместились длинный перечень 3300 погубленных царем Иваном по всей Руси людей самого разного рода — князей, священников, дьяков, сокольничих, псарей, мастеровых, крестьян... Упомянуты и «1505 человек» новгородцев, погубленных при военном походе опричников на свободолюбивый Великий Новгород. Есть в грозненском списке и убитые на поле боя, и казненные — и «принявшие смерть через отсечение рук», и сожженные; погубленные по одиночке и семьями; названные по имени и безымянные — «а имена их. Господи, ты сам ведаешь»... Среди десяти человек, казненных в Вологде (как полагают, весной 1569 года), есть, например, «помяс» (мясник?) и три плотника, названные Грозным поименно: «Неупокая, Данило, Михаила». Возможно, гнев царя в Вологде был вызван недостаточным быстрым ходом строительных работ. О недовольстве царя свидетельствуют и северные летописцы, излагающие в нескольких версиях предание о почти святотатственной попытке Ивана Грозного заставить работать всех вологжан в самый большой христианский праздник — Пасху.

Альберт Шлихтинг в своем «Сказании» о правлении Ивана Грозного рисует портрет царя-тирана и приводит такой касающийся Вологды рассказ:

«Все московиты чуждаются телятины и считают большим позором, если кто ею питается. Вышло так, что когда крепостные крестьяне тирана были посланы в Вологду для постройки крепости, то несчастные из-за сильного голода и недостатка в продовольствии, не имея ничего для еды, купили телят и питались ими. Когда тиран узнал это, он приказал некоторых съечь живыми за то, что они питались [этим] мясом, ибо великий грех — есть телятину, меньший — конину...».

Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Перевод А. И. Малеина. Л., 1934. С. 39.

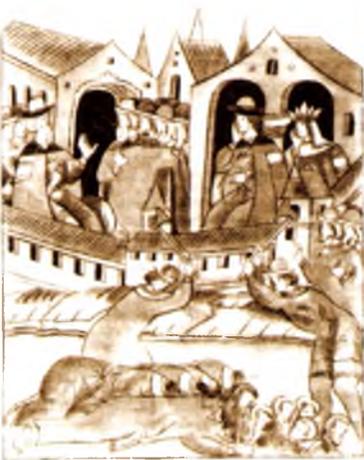
Краткое описание Вологды и оригинальная интерпретация того же сюжета есть и в записи от 30 июня 1608 года в дневнике одного из сопровождающих Марины Мнишек (знаменитой авантюристки, дочери польского магната, становившейся последовательно женой двух самозванцев, борющихся за русский престол в 1600-х годах — Лжедмитриев I и II):

«Город тот несравнимо меньше и, несомненно, гораздо хуже, чем Ярославль. Крепость расположена отдельно, обороноспособность ее не может сравниться с той, что описана в «Космографии». Город окружен стеной, но недостроенной и непригодной для защиты. Стену эту, как слышно было, строили наши поляки, которых взяли в плен на войне. Но всех их до одного потом убили за то только, что они нару телят съели. Вскоре после этого часть города сгорела, и жители написали жалобу на них царю, утверждая, что это явно их Бог наказал за воровской (преступный. — А. С.) поступок. Услышав о том, разгневанный царь приказал своим приговором перебить пленников.

Река Вологда невелика, течет под городом. От нее кругом идет овраг, который окружает другую сторону города, воду, текущую в том овраге, называют Золотухой. Поселение расположено в такой низине, что едва заступом, раз или два, ударишь по земле, сразу появляется вода».

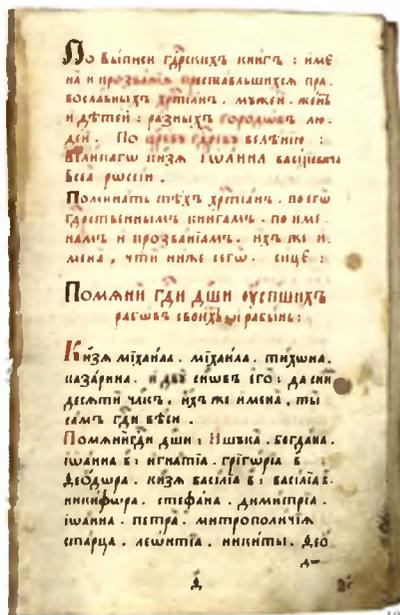
Дневник Марины Мнишек / Перевод В. Н. Козлякова. СПб., 1995. С. 116—117.

Сюжет о расправе над съевшими телятину рабочими, упоминающийся в обоих рассказах, видимо, восходит к какому-то реальному случаю жестокого наказания голодавших строителей крепости, возможно, нарушивших пост.

103

Многие приняли от царя Ивана Грозного «опалу и казнь»... Миниатюра из русской летописи XVI века

104

Первая страница списка погубленных Иваном Грозным из синодика Спасо-Прилуцкого монастыря XVIII века, воспроизводящего записи обветшавшего синодика XVI века

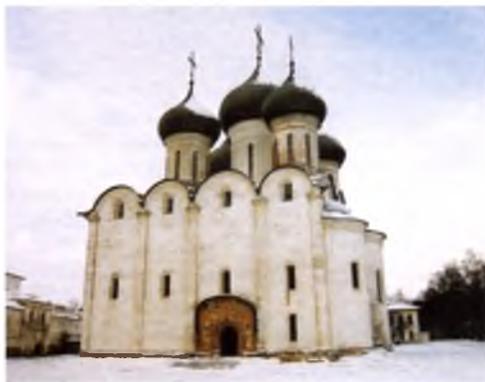
При Иване Грозном, в 1530–1550 годы, была проведена Губная реформа. Дела о разбойниках и ворах были изъяты из суда наместников и переданы органам местного управления в масштабах губы (территориального округа, в пределах которого действовала уголовная юрисдикция губного старосты). Старосты возглавляли губные избы, в их подчинении находились дьячки (канцелярские служащие) и целовальники — должностные лица, избираемые для исполнения финансовых или судебно-административных обязанностей, приносившие клятву, скрепленную целованием креста. Губные учреждения сохранялись до начала XVIII века.

В середине XVI века была осуществлена Земская реформа, в ходе которой наместническое правление в городах, черных и дворцовых волостях заменялось местным выборным земским самоуправлением, организованным по принципу сословного представительства. На земства возлагались обязанности выполнения государственных повинностей, им предоставлялось право ведения судопроизводства. Появился выборный орган местного самоуправления — земская изба с земским старостой, дьячком и целовальниками. В конце XVI—XVII веках земская изба фактически была подчинена воеводе, а с 1699 года вновь стала органом городского самоуправления. В 1720-х годах ее заменил новый судебно-административный орган городского управления — магистрат (в 1727–1743 годах назывался ратушей), упраздненный лишь в ходе судебной реформы 1864 года.

105

Успенский собор Московского Кремля. 1478 год. Зодчий Аристотель Фиораванти

106

Софийский собор в Вологде, построенный в 1568–1570 годах

Для непосредственного руководства работами царь направляет в опричную Вологду боярина И. А. Бутурлина, права которого напоминают прерогативы наместника. Он распоряжается «по слову царя» и «по государевой грамоте» ходом важнейших местных дел — сбором оброка, строительством и расширением территории города, конфискация (с формулировкой «взял государь на себя») в марте 1569 года принадлежащую Спасо-Каменному монастырю «деревенку Колычово у города Вологды под городовою поскотиною». На землях ближней и дальней округи города размещаются служилые люди: царь готовится к долгому пребыванию в Вологде. Сохранилась грамота от 7 сентября 1569 года, согласно которой Бутурлин от царского имени передает Корнильево-Комельскому монастырю двенадцать участков земли в качестве компенсации за вырубленный явочным порядком монастырский лес: «И государь их пожаловал теми пустошами и сеными оброки впрок, против того, что, де у них сее зимы Василий Непейцын монастырского лесу высек на две версты на государьской обиходной дворовой лес».

Но в 1571 году, в разгар воплощения грандиозных планов, Иван меняет свои замыслы относительно Вологды, как оказалось, навсегда. Нам остается лишь гадать, что послужило причиной отказа царя от продолжения строительства — походы ли крымских татар Довлат-Гирея, сжегших всю Москву 24 мая 1571 года; распространившееся ли на Севере «моровое поветрие» или непомерность расходов, разорительных для ослабшей за годы опричнины государевой казны... Вряд ли был виновником остановки строительства легендарный кирпич, якобы упавший сам собою на царскую голову. Впрочем, если этот злополучный случай, лежащий в основе нескольких вариантов преданий о Грозном, и не произошёл на самом деле, его стоило бы придумать для объяснения неожиданной перемены отношения царя к Вологде.

Строительство Вологодского кремля и собора замедлилось и тянулось затем долгие годы. В результате крепость с двадцатью тремя башнями имела только одну каменную стену из четырех, причем возведенную не более чем на половину высоты, а достроенные позже части стен и башни были сооружены из дерева.

Непростой оказалась и судьба заложенного Иваном Грозным каменного собора, очевидно, первого каменного храма в Вологде. Величественный Софийский собор и сегодня сохранил значение древнейшего символа города. В прошлом вологжане наверняка разделяли мнение новгородцев, сложивших поговорку о значении своего собора: «Где София, там и Великий Новгород».

Считается, что при создании вологодского собора в качестве образца был взят главный храм страны — Успенский собор Московского Кремля, построенный почти столетием ранее (в 1478 году) итальянцем Аристотелем Фиораванти. Неизвестные зодчие вологодского храма действительно добились эффекта «узнаваемости»: основной объем обоих соборов массивный, стремящийся к кубическому, их фасады одинаково завершены полукруглыми законами, одинаково расположены окна, оба храма увенчаны пятиглавием. Этот тип композиции храма восходит к древней византийской традиции, закрепившейся в русском православии в качестве канонической. Но при внимательном взгляде на вологодский собор специалисты отмечают множество важных деталей, отличающих его от московского образца и указывающих на сходство с целым рядом современных ему северорусских построек XVI века. Облик вологодского собора отличается экзотичным использованием декоративных деталей. Некоторые краеведы даже высказывали мысль, что такая аскетичность не была последовательным выражением художественного замысла, а, напротив, образовалась вследствие незавершенности реализации первоначального проекта.

Дело в том, что строительство заложенного Грозным собора было закончено лишь через 20 лет. Что же тут удивительного — в средневековой Европе, например, несколько крупных соборов строили гораздо дольше, по два-три века. Но вологодский собор почти полностью возвели в течение двух сезонов — а затем работы были надолго прекращены... Как мы уже упоминали, народ по-своему

объяснял изменение отношения Ивана IV к Вологде. Собору сполна довелось перенести тяготы непростой судьбы всего «опального» вологодского сооружения. Почти два десятилетия недостроенный собор возвышался посреди также незавершенного кремля. В эти годы в Вологду перенесена кафедра Вологодско-Пермской епархии (образованной в 1492 году), находившаяся сначала в далеком пермском городке Усть-Выми. Архиереи подолгу бывали в Вологде, а с 1560-х годов постоянно проживали в ней, служили в деревянном Воскресенском соборе на Ленивой площадке. Новый каменный собор был, наконец, достроен и освящен, но не как Успенский (что предполагалось ранее), а как Софийский.

Выбор посвящения храма был не случаен. В средневековом русском обществе, глубоко традиционном, православном, было принято выводить истоки каждой новой идеи, каждого общественно значимого новшества из «старины». В священной старине — в древних русских обычаях или библейских сказаниях, религиозных образах — находили обоснование новому. Посвящение храмов Успению Богоматери прославляло Марию, которая «и во успении мира не оставила». Наивысшее (после Пасхи) почитание праздника Успения на Руси выражало распространенное представление об особом покровительстве Богоматери Русской земле и тем подчеркивало могущество русского государства. Успенские соборы в разное время строились в важнейших центрах Руси: в Киево-Печерском монастыре (1073 год), во Владимире-Волынском (1150-е годы), Галиче (1150-е годы), Владимире (1160-е годы), Рязани, Московском Кремле, Кирилло-Белозерском монастыре, Ростове, Устюге, Троице-Сергиевом монастыре, Тихвинском монастыре, Смоленске, Астрахани, Смольном монастыре в Санкт-Петербурге и пр. Наконец, и древнейший из известных по письменным источникам вологодский храм (деревянный) был в 1303 году освящен новгородским архиепископом Феоктистом в честь Успения Богоматери.

Посвящение нового вологодского собора Софии, видимо, подчеркивало и формирование нового центра епархии. Примером при выборе посвящения могли послужить древнейшие большие соборы Киева (1037), Великого Новгорода (1045–1050), Полоцка (1050-е). Не исключено, что за сменой посвящения собора скрывалась и идея демонстрации независимости Вологды от Великого Новгорода. От новгородского владычества Вологда освободилась уже в начале XV века, но до 1492 года продолжала находиться в составе Новгородской епархии.

Иконописцами новгородской школы София изображалась в виде «огнезрачного» ангела, а южнорусскими мастерами (в соответствии с западноевропейской традицией) — в виде Богоматери с младенцем Иисусом посреди семистолпного дома-церкви. Любопытно, что праздник иконы Софии Премудрости Божией отмечается в день Успения Божией Матери — 15 августа.

Лишь 1 октября 1587 года в огромном пустующем храме, заложенном 22 года назад, преосвященный Антоний, епископ Вологодский и Великопермский, освятил первый (из трех) небольшой южный придельный престол во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи. Именно в этот календарный праздник, на память Иоанна Предтечи, отмечал свои именины самый знаменитый тогда в России Иван (Иоанн) — царь Иван Васильевич Грозный, умерший тремя годами раньше, в 1584 году. Собор, таким образом, стал памятником своему строителю, хотя и своеобразным по форме, но, пожалуй, единственно возможным в то время. Епископ Антоний умер менее чем через месяц после освящения первого престола собора и в нем же был похоронен. Не были забыты и епископы, погребенные в старом деревянном Воскресенском соборе — их прах был перенесен в гробницы, устроенные в новом соборе. Над могилой епископа Киприана, например, находилась надпись, что он «перенесен из старья соборныя церкви деревянныя, что возле Ленивого торгу и епископля старого двора, и погребен на сем месте».

Главный престол собора был посвящен Софии Премудрости Божией лишь после поновления храма, пострадавшего в дни «литовского разорения» 1612 года. Но это уже другая история.

София — Премудрость Божия (от древнегреческого «мудрость, знание») — сложное понятие христианской философии, своими истоками уходящее в древнееврейскую и античную религиозно-философскую мысль. В книгах Ветхого Завета Премудрость Божия является в качестве аллегорического и, одновременно, личностного персонажа, тождественно близкого к божественному «Я». Например, Книга притчей Соломоновых повествует: «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его, заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу; послала слуг своих провозгласить с возвышенностей городских» (Прит. IX. 1–3). Это описание строительства дома (весьма реалистичное для древней Иудеи) в европейской культуре раннего Средневековья приобретает уже символическое значение — утверждение на Земле Церкви Христовой и возведение храма как здания. Не случайно с приведенной выше цитаты начинается и созданная в XIV веке «Хроника земли Прусской», повествующая о создании и истории Тевтонского ордена. Отождествление Софии с Церковью (в широком понимании) было характерно для всей христианской культуры.

В представлениях ранних христиан София-Премудрость часто отождествлялась с Логосом (Богом-Сыном — Богом-Словом), а иногда с Духом Святым — третьей ипостасью Святой Троицы. В восточной (византийской) ветви христианства и на Руси образ Софии символизировал всемогущество божественной власти над миром. Кроме того, облик Софии в византийско-русской и, отчасти, католической традиции постепенно сближается с образом Девы Марии, поскольку через Богородицу преобразается, облагораживается (становится «софийным») весь мир.

107

Фрагмент храмовой иконы «София — Премудрость Слова Божия» из вологодского Софийского собора. Создана вологодскими иконописцами Жданом Дементьевым и Василием Новгородцем в 1618 году по образцу древней иконы из новгородского Софийского собора. В центре иконы — изображение Софии в виде «огнезрачного» ангела в царском одеянии — аллегорический образ воплотившегося в Христе Слова Божиего (в Откровении Иоанна Богослова — Слова, сверкающего «яко пламень огнен»). По сторонам Софии предстоят Богоматерь и Иоанн Предтеча